

Алексей В. Фомин
Святые провидцы. Сокровенный
дар прозорливости, предсказания
и пророчества угодников Божиих

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7108046

*Святые провидцы. Сокровенный дар прозорливости, предсказания и пророчества угодников
Божиих/ Составитель Фомин А. В.: Новая мысль; Москва; 2013
ISBN 978-5-902716-30-3*

Аннотация

В книге приведены интересные факты из жизни православных подвижников, когда через сокровенный дар прозорливости старца в судьбе конкретного человека чудесным образом проявлялся Промысл Божий.

Это те мгновения, когда особенно явно ощущаешь заботливое присутствие Божие, когда Бог открывает нам Свою волю и проявляет попечение о нашем спасении, говорит с нами их устами, когда через любящее сердце старца Господь неприметным образом касается сердец многих, находящихся возле Него.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Через просветы	7
Истории про старца илия	11
Записки о старце николае гурьянове с острова залита	17
О старце Ионе	26
Советы отца иоанна крестьянкина	28
Матушка сепфора	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Составитель Алексей Фомин

Святые провидцы

СВЯТЫЕ ПРОВИДЦЫ

О сокровенном даре прозорливости, предсказаниях и пророчествах угодников Божиих

Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 13-221-1828

Полное или частичное воспроизведение настоящего издания каким-либо способом, включая электронные, механические или магнитные носители, в т. ч. фотокопирование, допускается только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Все права авторов защищены.

Все права на издание и название защищены.

Переиздание возможно только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Читайте новые книги и статьи на сайте издательства www.novm.ru

Предисловие

«Православный человек никогда не станет искать пророчества о своей индивидуальной судьбе, поскольку это противоречит наличию свободы выбора, которую святые отцы считали существенной частью образа Божия в человеческом сердце. Знание будущего лишает человека свободы, а без свободы человек превращается в совсем другое существо. Великие подвижники прошлого, которых современники считали прозорливыми, вовсе не походили на гадалей, предсказывающих те или иные события в будущей жизни. На основании своего богатейшего духовного опыта, в результате короткого разговора они определяли некоторые индивидуальные черты пришедшего к ним человека и подсказывали, какая опасность угрожает ему, если его греховные страсти не будут изжиты. Либо же Господь по Своему особому Промыслу о чем-то извещал их в отношении пришедших к Нему людей, что было необходимо для укрепления их веры или же каким-то образом содействовало их спасению.

Что касается пророчеств о судьбе мира, то все они содержатся в Священном Писании, которое завершается словами: «если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей; и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей» (Откр 22,18–19)¹.

«Люди действительно святой жизни, если имеют дар прозорливости, то скрывают его или проявляют его сокровенно. В этом, кстати, их принципиальное отличие от старцев ложных»².

Священник Дионисий Свечников пишет: «Люди, живущие по заповедям Божиим и получающие от Него благодатные дары исцеления и провидения, были, есть и, дай Бог, будут всегда. Человеку не дано знать свое будущее, тем паче что человек сам творит его. Грешить или нет – это свободный выбор человека, в него даже Бог не вмешивается. Священнослужители, также как и другие православные христиане, узнают о правильности или греховности своих поступков из Евангелия. Этот неисчерпаемый источник Божественной мудрости дает ответы на многие вопросы. Священники вовсе не какие-то колдуны и медиумы, которые, вступая в контакт с духами, получают откровения от них. А люди, которым Господь что-то открывает, получают эти дары наитием Святого Духа. И никак иначе. Но для этого надо быть действительно человеком святой жизни»³.

Подлинный, неприкрытый смысл слов прозорливых старцев открывается позже. Удивительно и то, в какую форму облакаются их предсказания. Они говорятся не напрямую, чтобы не вводить человека в смущение. Они сообщаются так, чтобы потом, когда наступит время, сам человек без всяких сомнений определенно осознал и сопоставил все сказанное ими ранее. Когда иеромонаху Василию Рослякову (Оптинскому) рассказывали о пророчествах, касающихся страшного будущего (а подобные вещи часто способны привести душу в смятение и отвлечь от стремления ко спасению, борьбы со своими грехами), то он говорил: «Пророк пророчит, а Бог как хочет».

Мы не ставили задачей максимально подробно и полно изложить в этой книге факты биографий угодников Божиих, а лишь остановились на тех моментах из их жизни, когда через них проявлялся чудесным образом Промысл Божий в судьбе конкретного человека.

¹ Михаил Воробьев, священник, настоятель храма в честь Воздвижения Честного Животворящего Креста Господня г. Вольска, www.eparhia-saratov.ru.

² Игумен Даниил, Воскресенский Ново-Иерусалимский ставропигиальный мужской монастырь, www.n-jerusalem.ru.

³ www.pravmir.ru

Это те мгновения, когда особенно явно ощущаешь на себе заботливое присутствие Божие, когда Бог открывает нам Свою волю и проявляет попечение о нашем спасении, говорит с нами их устами, когда через любящее сердце старца Господь неприметным образом касается сердец многих находящихся возле Него.

Надеемся, что рассказы, приведенные в книге, будут не только интересным, но и душеполезным чтением, где каждый человек возьмет что-то для себя, применит к себе, к своей жизненной ситуации советы и наставления православных подвижников.

Глава 1

Старцы нашего времени

Через просветы

«Чем выше стоит подвижник на духовной лестнице, тем труднее писать о нем...»

Оптинские отцы смиренные. Хранят оптинские монашеские традиции. Похвалить монаха – то же самое, что бегущему подножку поставить. Пока живы, все подвизаются, а о святости человека судим мы уже после его смерти. Хорошее высказывание по этому поводу прочитала у святых отцов: «Перед самым сбором урожая град может уничтожить виноград, и праведник перед смертью [может] согрешить. Поэтому не спеши ни к кому [приступать] с похвалами». Читаю и представляю крупные и ароматные, налитые соком грозди винограда. Но ведь может пройти град или снег выпасть...

Наверное, поэтому из уст в уста передается оптинская байка. Спросили старца, отца Илия: «Батюшка, правда, что все оптинские отцы – прозорливцы и чудотворцы?» На что старец с улыбкой ответил: «Не знаю насчет прозорливцев, а чудотворцы точно все».

Значит ли эта шутка, что перевелись старцы в монастырях? Слава Богу, не перевелись! Утешает Господь людей Своих, но чудеса эти прикровенные, даются по нужде. Рассказывает мне в очереди на исповедь жительница Козельска, Елена, как недавно в этой очереди стояла ее соседка. Приехала к игумену N со своим горем: сын пропал. Выслушав рыдающую мать, ушел он в алтарь, долго молился, а вернувшись, сказал: «Не плачь, через пару дней вернется». И действительно, на второй день сын явился.

На послушании в гостинице раба Божия Надежда рассказывала мне о том же батюшке, как уговаривал он остаться в монастыре одну уже не очень молодую женщину. Не слушала она уговоры, и батюшка сказал: «Что ты там, в миру, будешь делать, страдаешься, да еще и с ребеночком». Про ребеночка было совсем непонятно, но понятно стало, когда женщину соблазнил и бросил с ребенком заезжий молодец, и она действительно много страдала.

Признанный старец Оптиной пустыни – отец Илий (в миру Алексей Афанасьевич Ноздрин). Когда человек еще подвизается, о его подвигах и духовном росте лучше не говорить. Но отец Илий – всероссийски известный старец, о его прозорливости все знают. Поэтому чада его и просто паломники делятся своими переживаниями и опытом встреч со старцем открыто – светильник под спудом не прячут...

Первую историю про оптинского старца Илия рассказала мне на совместном послушании в братской трапезной Оптиной пустыни паломница Ольга: «Хотела я спросить у старца, есть ли воля Божия на мое монашество, но никак не получалось побеседовать с ним. И вот стою после службы, вдруг народ задвигался, хлынул за вышедшим старцем. Кто-то вопрос хочет задать, кто-то попросить молитв, кто-то просто благословиться желает. Ну, думаю, не подойти мне к старцу.

И вдруг народ выталкивает меня прямо в спину к батюшке. Недолго думая, громко спрашиваю: “Батюшка, отец Илий! Буду ли я монахиней?” И батюшка, не оглядываясь, отвечает: “Да, ты будешь монахиней. Обязательно будешь монахиней!” И уходит, сопровождаемый народом. А я остаюсь и чувствую, как охватывает меня недоверие, а за ним уныние. Старец даже не взглянул на меня. С таким же успехом я могла спросить, буду ли я космонавтом.

В унынии плетусь к братской трапезной. Стою и плачу. Рядом еще паломники стоят. Кто-то своего духовного отца ждет. Кто-то старца дожидается. Стою без всякой надежды. И вдруг появляется отец Илий. Сразу тянутся к нему руки с записками, народ вопросы наперебой задает. Но батюшка подходит прямо ко мне. Внимательно смотрит на меня и спрашивает: «Ну что, ты уже выбрала себе монастырь, где хочешь жить?».

На этом месте глаза рассказчицы увлажняются – утешил батюшка! Хоть и не взглянул при вопросе, но духовным зрением он видит многое. Гостиничная Елена делится со мной: «Как права пословица: «что имеем – не храним, потерявши – плачем»! Вот был наш оптинский старец отец Илий рядышком – мы это не ценили в полной мере. Подойдешь иногда, благословишься. А иногда смотришь: как много людей батюшку окружило – и мимо пройдешь, думаешь: надо побережь старца, не досаждай лишний раз. А сейчас вот уехал он подальше – духовник у самого Патриарха, – так как же ждешь его приезда! Как солнышка красного!»

Только поскорбели мы, что нечасто теперь старец в Оптиной бывает, – он и приехал. И благословились, и записочки отдали. Поднимаюсь по лестнице паломнической гостиницы, а схиигумен Илий мне навстречу спускается. На лестнице еще две сестры стоят – как и я, от радости чуть не прыгают.

Благословил нас батюшка, поговорил немножко с каждой, а в руках у него книги духовные – как раз три. Он одной сестре подарил, другой, я следующая. А я стою и думаю: «Есть у меня уже такая книжечка-то. Мне ее вчера только архидьякон отец Илиодор подарил». Посмотрел на меня отец Илий внимательно, улыбнулся... и не дал мне книгу. А снизу уже новая паломница поднимается. Ей и подарил.

Вот ведь, думаю, батюшка всё видит! Как же мне хочется о нем побольше узнать! Вот бы еще кто-нибудь рассказал о нем!

На следующий день еду я по делам в Калугу, возвращаюсь поздно, на автобус опаздываю. Звоню своему духовному отцу и объясняю, что припозднилась. Отвечает он мне, что в Калуге как раз оптинская машина. Сейчас назад, в монастырь, поедет, меня и захватят.

И вот я сижу рядом с водителем Сергеем, молодым еще парнишкой. Несмотря на молодость, он уже несколько лет в монастыре работает, сейчас прораб на одной из многочисленных монастырских строек. И оказывается, что он чадо отца Илия.

– Брат, расскажи мне хоть немножко про старца! – прошу я.

Он соглашается. И рассказывает мне о своих встречах со старцем.

Сначала Сережа не всегда к старцу за благословением обращался. Вот сдал на права, начал машину водить – без благословения. «Что, – думает он, – старца по мелочам беспокоить, мало ли у него забот! Не будешь обо всем сообщать – вот, дескать, водителем заделался!»

А отец Илий приехал из Греции и всем иконочки дарит. И всем – разные. Посмотрит на человека – переберет иконочки и достанет какую-то одну.

Сергею благословил иконочку святого Николая Чудотворца. Отошел Сережа в сторону, а сам ропщет: «Есть у меня дома Николай Угодник! Лучше бы батюшка какую-то другую икону подарил!» Переворачивает иконочку, а на обратной стороне – молитва водителя!

А рядом стоит мужчина в годах, видно, что в Оптиной впервые. Держит в руках иконочку целителя Пантелеимона и спрашивает у Сергея: «Я недавно только в храм ходить начал. Вы не знаете, что это за иконочка?» А Сережа спрашивает: «А у вас, простите, здоровье хорошее?» «Да что вы! Я серьезно болен. Болезнь меня и в церковь привела, если честно». Объяснил Сергей ему, что к святому целителю Пантелеимону обращаются в болезнях.

И вот что интересно: пока Сергей подаренную батюшкой иконочку в машине хранил, ни разу его ГАИ не останавливала.

А потом решил унести икону домой, чтобы на солнышке не выцветала. Только унес – на четыре месяца права отобрали за нарушение. Как так нарушил – и сам не понял. Теперь только с иконочкой – батюшкиным благословением – и ездит.

После этого случая стал он все серьезные решения принимать только с благословения старца – своего духовного отца. Хотел купить старый «КамАЗ». Деньги долго копил, в долги влез. Нашел и «КамАЗ» подходящий. Проверил – хорошая еще машина! Пошел к старцу благословиться. А старец не благословляет – без объяснений. Ну, что делать, послушался Сергей, не стал покупать. Хоть и расстроился. А выходит, что расстроился-то он зря. Были, оказывается, какие-то незаметные, но серьезные неполадки в машине. И через неделю сломался «КамАЗ», по выражению Сережи, «в хлам».

А как-то приехал Сергей к духовному отцу, а он ему и говорит: «Ну что, путешественник мой, путешествуешь?» «Да нет, – отвечает Сергей, – из монастыря никуда». Старец только улыбнулся. Возвращается Сережа в Оптину, а его тут же отправляют в Воронеж, к Тихону Задонскому, воронежскому чудотворцу. Вот только недавно вернулся. И в Калугу поехал. Тут мы с ним и встретились.

– Расскажи еще что-нибудь, – прошу я.

Сергей думает недолго:

– Ну, вот жениться я собирался несколько лет назад. Невеста моя объявила, что хочет учиться поступать. Поедет, дескать, документы отвозить. Деньги заплатить нужно. Ну, я с деньгами помог ей. Проводил. Жду. А я только еще начинал у батюшки на стройке работать. Нужно было песок ехать нагружать. И подобрались мы так, что все ребята здоровые, рослые, а я самый молодой, меньше всех ростом и худее.

И вот благословляет отец Илий, чтобы меня отправили песок этот грузить. Я еще в душе возроптал: ну, думаю, нашел батюшка, кого выбрать! Но поехал, конечно. И вот еду – и вижу девушку свою с другим. Было у нас объяснение, после чего мы расстались. О чем я сейчас нисколько не жалею. Она за этого, другого, замуж вышла, ребенка ждет. А я вот в монастыре работаю. Может, совсем сюда переберусь. А ведь жениться хотел...

Ну, скоро приедем уже. Видишь, как незаметно за разговором дорогу скоротали? Что тебе еще рассказать – напоследок?

Вот, представляешь, недавний случай: работаю на стройке, бетономешалка грохочет вовсю. Приезжает отец Илий. Батюшка никогда на машине в ворота не въезжает.

– А почему не въезжает?

– Ну как? Он смиренный очень. Не хочет как начальник. Всегда из машины выйдет, сам ворота начинает открывать. Поздоровается со всеми, поклонится всем. Вот и в этот раз выходит из машины, подходит к воротам. Я одну створку тяжелых железных ворот открываю, а он вторую начал открывать. А потом благословил меня и спрашивает: «Слышишь, как по кресту стучат – тук-тук?»

Я отвечаю: «Какое там стучат, батюшка, по какому кресту! Я ваш голос-то с трудом слышу!» Он улыбнулся и пошел. И что ты думаешь? Через пять минут иду по строительному делу к отцу Иоанну, который тут недалеко, метрах в двадцати. А он крест из меди отбивает себе в келью. И стучит – тук-тук. Как это можно было услышать на таком расстоянии, под грохот бетономешалки – ума не приложу. Ну да у старца ведь другой слух, не такой, как у нас с тобой. Понимаешь?

...Вернулась я в Оптину и на следующий день, после послушания, захожу в книжную лавку. Смотрю: книга интересная – архимандрита Рафаила Карелина, «На пути из времени в вечность». Купила я эту книгу, прихожу в келью, открываю ее на первой попавшейся странице и читаю: «Чем выше стоит подвижник на духовной лестнице, тем труднее писать о нем... Потому что духовное видит душевное, а душевное не видит духовного. Только лишь

через какие-то просветы человек может соприкоснуться с внутренним миром подвижника как с откровением благодати...»

Да, только через какие-то просветы...

Ольга Рожнева

Истории про старца илия

Схиархимандрит Илий (Алексей Афанасьевич Ноздрин) родился в 1932 году в селе Становой Колодезь Орловского района Орловской области. Учился в Серпуховском механическом техникуме. Духовное образование начал в Саратовской семинарии, после ее закрытия перевелся в Санкт-Петербургскую. Там же принял иноческий чин. Был насельником Псково-Печерского монастыря, нес служение на Афоне. В конце 80-х вернулся в Россию, где стал духовником Оптиной Пустыни. Сейчас он духовник Патриарха Кирилла и находится в Переделкино, на подворье Троице-Сергиевой Лавры.

К отцу Илию в Оптину

Впервые имя оптинского старца Илия я услышал в Высоцком мужском монастыре города Серпухова. Дело было так. Я попал на исповедь к игумену монастыря отцу Кириллу, который долго и внимательно слушал мои слова, а затем сказал: «Лучше всех тебе ответил бы духоносный старец. Я боюсь повредить. У меня нет такого духовного опыта. Есть старец – отец Илий в Оптиной пустыни, к нему езжай. Не знаю, сможешь ли пробиться: к нему много людей притекает».

Сказано – сделано. Вот я в Оптиной – стою в Казанском соборе, благоговейно замирая, слушаю звонкие переливы двух монашеских хоров, стоящих на левом и правом клиросах. У кого-то из поющей братии такой сильный и густой бас, что у меня внутри, там, где предположительно должна находиться душа, что-то начинает трепетать. Один богомолец указал, по моей просьбе, на отца Илия. Я представлял его совсем по-другому. Богатырем, типа Ильи Муромца, и имя у него схожее. А тут? «Нет в нем ни вида, ни величия». Маленького роста, тщедушный, длинная седая борода. Служба закончилась. Отца Илия обступили такой плотной толпой люди, что оставалось только удивляться, как его не сбили с ног и не затоптали.

Тогда для меня, только идущего ко храму, это было в диковину – фу, как не культурно, не вежливо, какой фанатизм – так набрасываться на пожилого человека! В то время я не очень понимал различие между старым человеком и старцем-молитвенником – богатырем Духа.

Постой-ка рядом, послушай, о чем говорят, о чем просят старца паломники. Сколько горя – с ума сойдешь!

Грузная тетка с почерневшим от свалившейся на нее беды лицом цепляется за отца Илия: «Батюшка, сын человека убил. Скоро суд будет. Помолись! Что делать – не знаю!» Старушка с заплаканными, выцветшими от боли глазами вопиет: «Батюшка, у невестки рак, с кулак шишку на голове надуло, трое деток малых останутся без матери, помолись за нас, родимый, погибаем!» Со всех сторон звучит как стон: «Батюшка! Батюшка! Батюшка!»

После всего услышанного мои вопросы, с которыми я приехал к отцу Илию, показались мне ничтожными и как-то сами собой прояснились у меня в голове.

Второй раз я увидел отца Илия, когда приехал в Оптину в числе таких же, как и я, новоначальных христиан. Нас по одному подводили к батюшке под благословение. Не знаю, что он говорил моим предшественникам, но мне слово его попало не в лоб, а прямо в глаз. Я подбежал к батюшке, сложил ладони лодочкой и молодцевато, как на плацу генералу, гаркнул: «Раб Божий такой то». Отец Илий устало взглянул на меня и слабым голосом произнес: «Да... Русский язык мы знаем...»

Кровь бросилась мне в лицо – я с особой ясностью осознал смысл привычных русских слов, которыми мы козыряем по много раз в день. «В самом деле, ну, какой ты раб Божий? Ты есть раб греха и порока», – словно со стороны подумал я о себе во втором лице.

Батюшка сходу обличил меня: произнес, прикровенно, невеселую правду обо мне. Пожалел он меня, сказал в необидной форме, с горечью, как бы внутренне сокрушаясь обо мне, что я такой непутевый.

Третья встреча с отцом Илией состоялась в братском корпусе, за закрытыми дверями. Нас, паломников, было трое, и каждый мог сравнительно спокойно поговорить с батюшкой. Я заранее подготовил в уме слова о своих внутренних нестроениях и житейских бедах, которые в тот период моей жизни особо одолевали меня, рождая в душе ледяное уныние и безразличие ко всему. Мне хотелось попросить святых молитв батюшки (ведь много может молитва сильного) и узнать, как жить дальше. Когда подошла моя очередь, я, стесняясь своего физического превосходства, встал перед отцом Илией на колени и неожиданно для себя сказал: «Батюшка, умножь во мне веру!»

«Веру?» – нараспев произнес батюшка. Удивился. Затем хорошо, так ласково улыбнулся, что сразу угрел мне сердце. Слова и время потеряли значение. Все, кроме одного, утратило смысл – вот так стоять бы до конца жизни рядом с батюшкой на коленях, да греться в его лучах – на греческом языке его имя значит Солнце. Сколько же это длилось? Может быть, десять минут, а может быть, и вечность. С того дня я стал живее понимать слова Апостола – «покрывайте любовью», испытал на себе тепло настоящей любви.

Батюшка Илий! Пожалуйста, помолись Богу о нас, грешниках!

Гришин, М. Русский вестник от 04.09.2003.

«Где бы старца найти?»

Отец Владимир – московский дьякон, духовный друг отца Илиодора, чадо старца, схигумена Илия. Пять лет он был оптинским послушником. По его словам, это была хорошая школа, давшая внутренний стержень для всей дальнейшей жизни.

Я прошу рассказать мне о старце, и внутри уже звучит знакомая мелодия, и я знаю, что услышу что-то интересное. И отец Владимир, действительно, рассказывает мне истории про старца, которые, с его разрешения, я и передаю.

Произошла эта история довольно давно. Отец Владимир тогда еще не был дьяконом. И от церкви был далек. А был он молодым бизнесменом. Занимался строительным бизнесом. И вот дела его стали идти всё хуже и хуже. Навалились всевозможные скорби и испытания. Да так тяжело стало, что и не знал он, как пережить такие трудные и запутанные жизненные обстоятельства. И тут кто-то из верующих друзей посоветовал: «Тебе нужно к старцу обратиться. Ты его совет-то исполнишь – вся жизнь твоя и наладится. Да еще и помолится за тебя старец-то. Вот и будет у тебя всё в порядке, заживешь лучше прежнего».

Как это – лучше прежнего, – тогда Володя и не представлял. Бизнес лучше пойдет? Конкуренты исчезнут? Проблем не будет?

Вот сейчас отец дьякон сидит за рулем, и для него главное – духовная жизнь, жизнь по заповедям. А тогда он не знал, как выбраться из жизненного тупика. Но слова о старце крепко запали в душу. Где искать этого старца, Владимир не имел ни малейшего представления. Скорби продолжались, и время от времени он вздыхал: «Совсем неумоготу... Эх, вот найти бы старца...»

Как-то раз вечером ехал Володя на машине по городу, и так вдруг на душе тяжело стало, что подрулил он к обочине дороги, положил голову на руль и так остался сидеть. Вдруг слышит: кто-то стучит в окошечко. Поднимает голову – стоит священник в рясе с крестом на груди и просит его подвезти.

Володя встрепенулся:

– Батюшка!

– Да! Я он самый и есть!

– Батюшка, я Вас, конечно, подвезу! А у меня вот проблемы. Старца я ищу...

– Старца? Ну, тогда тебе надо в Оптину ехать. Сейчас ты меня подвези, пожалуйста, до Ясенево. Там Оптинокское подворье. А завтра, если хочешь, поедем вместе в Оптину. Хочешь?

А был это, оказывается, отец Симон. Сейчас-то он уже игумен, а тогда был молодым оптинским иеромонахом. Назавтра они и поехали.

Приезжают в Оптину, и Володя первый раз в монастыре оказался. Приехали уже поздно, ночью. Пришли в скит, заходят в большую келью. А там нары двухъярусные. Народу много. Кто молится, кто спит-храпит. «Батюшки-светы, куда это я попал?» – думает Володя. С дороги устал сильно. Попросил соседей разбудить его пораньше – и отключился.

Просыпается, глаза открывает и понять не может, где находится. Светло уже. Вокруг пустые нары, и никого. Смотрит на часы – время одиннадцать. И на службу опоздал! Расстроился сильно. Всё на свете проспал...

Пошел Володя по утоптанной тропинке к монастырю. Бредет, головы не поднимая. Слышит, снег скрипит под ногами – кто-то навстречу идет. Поднял с трудом свою унывающую головушку – а это какой-то старенький монах идет с палочкой. Остановился и говорит Володе: «С праздником! С воскресным днем! Что невесел?»

А Володя так унывает, что и отвечает с трудом:

– Здравствуй, отец. Не знаешь, где бы мне старца найти?

– Старца? Нет, не знаю. А что у тебя случилось-то?

Володя немного приободрился. Обрадовался, что хоть кто-то его проблемами интересуется. Думает: «Как хорошо, что я старого монаха-то встретил! Хоть и не старец, но жизнь-то повидал. Может, мне его Господь послал. Может, он мне чего и посоветует...»

Начал рассказывать. А монах слушает, да так внимательно. Головой кивает. Так, понимаешь, слушает хорошо. Не все ведь слушать умеют. Иногда рассказываешь и понимаешь, что человек только из вежливости делает вид, что внимает тебе. А проблемы ему твои не нужны, ему своих хватает. Или, бывает, слушает и только и ждет, когда ты рот закроешь, чтобы выложить тебе свои умные мысли. А этот старенький монах так слушал, как будто Володя ему сын родной. И все его беды для него тоже – боль. Так и захотелось этому старому монаху всё, что на душе камнем лежит, рассказать. Всё ему изложил. Все проблемы. Так, мол, и так, отец, совсем невоготу, как и дальше-то жить – не знаю. А монах выслушал внимательно и говорит:

– А ты хоть кушал сегодня?

– Да какое там кушал, отец! Не разбудили меня! На службу и то опоздал. И со старцем не встретился! Понимаешь, старцев нет нигде!

– Понимаю, старцев нет, одни старички. Пойдем-ка вместе в трапезную.

И пошли. Только чувствует Володя, что настроение у него резко изменилось. Голову поднял, смотрит вокруг – красотища! Снегу навалило! Сугробы белые, снег белоснежный, в Москве такого не бывает. Искрится на солнышке. Воздух чистый, морозец легкий. Солнышко в небе голубом. Хорошо! Где-то колокола звенят, а в воздухе такая благодать разлита, что не радоваться жизни невозможно, что впору кувиркаться в снегу. Монах старенький вместе с ним идет со своей палочкой, улыбается себе под нос. Не успели они пятьдесят метров пройти – навстречу толпа людей. Смотрит Володя – все они к старенькому монаху бегут благословляться. Радостные такие. «Батюшка, батюшка!» – лепечут. Вот уже и Володю оттеснили. Каждый что-то спросить у монаха хочет. Володя посмотрел-посмотрел – да и спрашивает у одной пожилой паломницы:

– Простите, а что, здесь всех старых монахов такой толпой встречают?

– Чего ты там такое говоришь-то? Каких таких старых монахов? Да ты знаешь, кто этот старый монах? Да ведь это старец!

– Как старец?!

– Да я же тебе говорю, что это старец известный оптинский, схиигумен Илий.

Что ж ты такой бестолковый-то!

Володя даже присел:

– Как так – старец?! А он сказал, что старцев нет, одни старички! А я-то ему даже вопросы свои не задал. Вот была возможность – и ту упустил!

Тут из толпы паломников тот самый монах, который старцем оказался, выбирается и машет Володе рукой – за собой зовет. Все сразу на него внимание обратили и стали в спину подталкивать:

– Иди скорей, батюшка зовет!

Пришли они со старцем в трапезную. Володю с послушниками посадили. А он и есть-то толком не может, переволновался. Да еще в куртку, в карман нагрудный полез за телефоном, а там привычного пакетика нет, в котором водительские права лежали.

Неужели потерял?!

После трапезы подходит к Володе один послушник и говорит:

– Вас батюшка отец Илий зовет.

Приводит он Володю к старцу. Все заготовленные Володей вопросы из головы повывлетали от волнения. Только и смог промямлить:

– Батюшка, как же я домой-то доеду?!

И замолчал. Про права не знает, что сказать: потерял, выронил? Может, на нарах в келье лежат? А схиигумен Илий ему и говорит:

– Это ты про права, что ли? Ничего, найдешь. Ты дома их оставил, они у тебя в другом костюме в кармане лежат. А до дому-то ты действительно можешь не доехать. Отгонишь машину свою в мастерскую, там пусть ее посмотрят хорошенько. И еще. Нужно тебе потом вернуться в Оптину, пожить здесь – потрудиться, помолиться. А теперь давай-ка благословлю на дорогу. Ангела-Хранителя!

Вышел Володя из трапезной. На душе так легко! И вопросы все показались такими мелкими и ненужными. А главное – так захотелось в Оптиной пожить!

Когда машину в мастерской посмотрели, оказалось, действительно, серьезная неполадка. И могла быть даже авария.

Едет Володя домой без документов, на полпути – пост ГАИ. Скорость сбавил. Дорога пустынная, и смотрит он: к нему гаишник идет, жезлом крутит. Сам на Володю так весело посматривает, чуть ли не подмигивает. Володя начинает тормозить и думает: «Ну всё». Только гаишник свой жезл стал поднимать, как у него в кармане сотовый зазвонил. Он сразу же в другую сторону отвернулся, телефон достал и стоит разговаривает. Володя и проехал.

И доехал так быстро, будто Ангелы донесли машину вместе с водителем. А дома, как старец и сказал, документы нашел. В кармане другого костюма лежали.

И проблемы у Володи сами собой решились. Ну, не сами, конечно. Старец хоть и ничего особенного ему не сказал, морали не читал, а помог. Он просто помолился за Володю. «Многое может молитва праведного...»

Жизнь Владимира стала совсем иной. Пять лет послушания в Оптиной, а сейчас вот дьяконом служит. Видимо, с Божией помощью, скоро рукоположат во священники.

Вот как закончились Володины поиски старца.

Отец Владимир знает многих чад своего духовного отца – схиигумена Илия. В том числе был знаком с одним бизнесменом и его водителем, про которых и пойдет дальше речь.

У бизнесмена этого дела плохо шли. И вот как-то раз удалось ему, видимо, по милости Божией, обратиться за помощью в Оптину, к старцу. По молитвам отца Илия дела пошли на лад. Рост материального благосостояния был налицо. На радостях бизнесмен приезжает к батюшке:

– Батюшка, дела хорошо так пошли! Вот хочу поблагодарить Господа! Благотворительностью хочу заняться! Что бы мне такое хорошее сделать? Батюшка, отец Илий, может, Вам что-то пожертвовать?

– Мне ничего не нужно. А если хочешь доброе дело сделать, Господа поблагодарить, то помоги вот одному бедствующему храму. Он, правда, не в Оптиной, но я тебе адрес дам.

– О чем разговор, батюшка дорогой?! Конечно, помогу! Давайте адрес, завтра же и пожертвую!

Проходит месяц, другой, а ему то некогда, то неохота куда-то ехать, то вроде и денег уже жалко. А в Оптину всё тянет. Постоит на литургии, исповедуется, причастится. Опять сердце загорится у него. Дела-то хорошо идут. Подойдет к старцу под благословение:

– Батюшка, я вот хочу пожертвовать что-то, доброе дело сделать! Кому помочь?

– Ну что ж, если хочешь доброе дело сделать, вот приюту помоги. Очень они нуждаются.

– Да я завтра же поеду в этот приют! Да я им так помогу! Книги духовные могу купить! Игрушки! Фрукты! А то иконы пожертвую!

Проходит месяц, другой – забыл о приюте. Да и адрес куда-то завалился.

Повторялось подобное не раз. И однажды старец как-то странно ему ответил. Он батюшке:

– Какое мне доброе дело сделать? Вот иконы кому-нибудь пожертвую! Завтра же! Много икон!

А схиигумен Илий вместо того чтобы, как обычно, адрес какой-то назвать:

– Да ты теперь хоть одну только иконочку купи и пожертвуй.

– Почему одну?! Да я завтра же много икон куплю и пожертвую!

– Да нет, тебе теперь хоть одну бы успеть.

Вышел бизнесмен из храма, садится в машину и говорит водителю:

– Какой-то батюшка сегодня странный. Я ему говорю, что хочу много икон купить и пожертвовать. А он мне про одну икону отвечает. Дескать, чтобы я успел хоть одну пожертвовать. Странно очень. Ну ладно, одну-то купим. Сейчас, что ли, купить? Ладно, иди сходи в лавку, купи одну икону.

А водитель, человек верующий, обычно всегда кроткий был. А тут вдруг не согласился:

– Не пойду, вам старец благословил купить, вы сами и купите.

– Ну, какая ерунда! Да что вы сегодня, сговорились все, что ли, спорить со мной?

Вышел он из машины, сходил, купил икону, поехали домой. Проезжают мимо одного храма. Видно, что храм нуждается в ремонте.

– Во, сразу видно, что храм бедный. Вот ему и пожертвую.

Взял бизнесмен из машины икону, унес в храм. Вернулся. Едут дальше. Только километра не проехали, как он водителю и говорит:

– Что-то я как-то устал сегодня. Останови-ка машину, я немного отдохну.

Вышел из машины, прилег на траву. И умер.

...Я слушаю эту короткую историю и молчу. Потом говорю: «Все-таки старец-то не бросил его, не отвернулся. Молился за него, наверное. Вот он и сделал доброе дело перед смертью. Разбойник тоже вот только и успел сказать: помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Твоем». Отец дьякон кивает головой и отвечает грустно: «Да, оно так, конечно. Суды Божии – бездна многа. Но помнить нужно всегда: всем обещано прощение исповеданных грехов. Но никому из нас не обещан завтрашний день».

И мы едем дальше и долго молчим. А сумерки сгущаются, и день подходит к концу.

Ольга Рожнева

«Не уезжай в Москву»

Считается, что молитва старца Илия обладает особой силой. Рассказывают, что однажды к нему в скит доставили смертельно раненного в Чечне офицера-разведчика, который пять месяцев провел без сознания в разных госпиталях. Схиигумен Илий помолился над офицером – и тот открыл глаза, сознание вернулось к нему. После этого началось выздоровление.

Губернатор Волгоградской области Анатолий Бровко: «Старец Илий наделен даром прозорливости. Примерно год назад я был у него, и беседа зашла о том, где жить и работать. Илий сказал мне, чтобы я не уезжал ни в Москву, ни куда-либо еще из Волгограда, добавив, что приедет к нам в следующем году, после знакового события в жизни региона, в моей жизни». По утверждению Анатолия Бровко, эти слова стали своего рода пророчеством. В должность главы региона он вступил в январе следующего года. А старец Илий действительно потом посетил Волгоградскую область⁴.

⁴ Блог Анатолия Бровко. www.anatoliy-brovko.livejournal.com

Записки о старце николае гурьянове с острова залита

24 августа 2002 года на 93 году жизни скончался известный старец – митрофорный протоиерей Николай Гурьянов.

Николай Алексеевич Гурьянов родился в 1909 году в купеческой семье в селе Чудские Заходы Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. С детства прислуживал в алтаре. В 1926-м закончил Гатчинский педагогический техникум, в 1929-м – Ленинградский пединститут. В 1929–1931 годах преподавал математику, физику и биологию в школе и служил псаломщиком в Тосно Ленинградской области. В 1929-м был тайно рукоположен во священника. В 1931 году, когда начались гонения на Церковь, был арестован. Сидел в тюрьме «Кресты» в Ленинграде, был в лагере под Киевом и в ссылке в Сыктывкаре. В 1942 году был освобожден, после чего служил в приходах Латвии, Литвы и Эстонии. В 1958 году переведен в Псковскую епархию и назначен настоятелем храма святителя Николая на острове Залита.

Старец Николай сподобился многих даров Духа Святого, среди них – дары прозорливости, исцеления, чудотворений. Со всей России к старцу приезжали на остров Залита верующие люди, нуждающиеся в духовном совете, в молитвенной помощи старца.

Рассказы о старце

Впервые я посетила отца Николая в 1971 году, на следующий день после памяти апостолов Петра и Павла, чей храм стоял на соседнем от Залита острове.

Нас было шесть человек (к сегодняшнему дню все они уже умерли). Ехали мы просто на праздник, ничего тогда еще не зная ни о старчестве отца Николая, ни о его прозорливости. Первый день провели в Самолве, а потом сели на «ракету» и поплыли к острову. Среди нас были священники. Когда прибыли на остров Залита, батюшка встретил нас как подобает. Священники сразу подошли под благословение, и отец Николай пригласил всех к праздничному столу. Мы кушали и о чем-то разговаривали.

Я же то и дело отвлекалась и оглядывала все вокруг, благо, что с моего места сама могла видеть отца Николая, а он меня нет. Вот на стене увидела портрет человека, очень похожего на него. Сажу, разглядываю и думаю: «Ага, значит, это батюшка в молодости». А отец Николай в это время говорил с батюшками совершенно на другую тему. И вдруг он разворачивается ко мне и произносит: «А это мой брат!»

Я сразу же поняла, что при отце Николае ни о чем праздном думать нельзя: все будет услышано, даже самые тайные мысли. С того момента я батюшку стала воспринимать как очень великого, прозорливого священника.

Позже был большой перерыв, я долго не ездила к нему: стеснялась, что вдруг батюшка откроет все грехи, обличит...

Но вот обрушились на меня крупные неприятности, пошли одна за другой большие беды. И тогда я поехала к отцу Николаю, хотя и побаивалась даже подойти к нему. Батюшка же очень милостиво принял меня и разрешил буквально все вопросы, из-за которых я так страдала.

И в дальнейшем, когда возникал сложный, трудноразрешимый вопрос, я уже сразу ехала на остров: летом на катере, а зимой по льду.

От батюшки шла такая доброта, что у меня невольно из глаз лились слезы. Скажет, бывало: «Миленькая, ну что у тебя там?» Расскажешь, а он всегда успокоит: «Все слава Богу! Все будет хорошо. Господь поможет...»

Сила молитв отца Николая была нами очень ценима. До самой его кончины мы обращались к нему по всем вопросам, просили и советов, и молитв. Сейчас у меня в этом боль-

шой пробел. Ведь возникает много проблем, о разрешении которых не с кем посоветоваться. А батюшку даже спрашивать ни о чем не надо было: он и так все про всех знал.

Одна женщина рассказывала мне, как она была ошарашена, когда батюшка ей сразу при встрече сказал: «Как же вы приехали на такой карете, купив такой дорогой бензин?» Оказалось, что, действительно, они ехали до отца Николая на собственном очень дорогом микроавтобусе и заправлялись дорогим бензином. И то, что он сказал ей дальше, – все абсолютно сошлось.

Сама я из Эстонии, из Тарту. Вот как-то, когда выросли дети, я решила вернуться к мамочке, которая жила одна. Эти мысли я оставила при себе, потихоньку их обдумывая. Как-то раз пришлось мне поехать к отцу Николаю с другими вопросами. Подхожу к нему с листочком, на котором изложены проблемы, а батюшка вдруг сразу говорит: «Никуда не уезжайте. Псков – город хороший, народ здесь хороший». А ведь я об этом отъезде в ту минуту и не думала. Батюшка сам разрешил мои старые помыслы.

Когда умер мой папочка, священник Василий Борин, я приехала к отцу Николаю с этим горем. И батюшка пропел «Вечную память», а потом сказал, что мой папочка мог бы еще пожить, если бы не заболел. О его болезни я батюшке ничего не говорила...

Однажды мой сын тяжело заболел. У него была третья степень сколиоза, и ему предстояла очень сложная операция, исход которой был неизвестен. Конечно же, я поехала за благословением к отцу Николаю, тем более что и мой пятнадцатилетний сын сказал, что не ляжет на операционный стол, пока я не съезжу к батюшке. Когда я приехала, батюшка твердо сказал: «Обязательно делать операцию. Все будет хорошо». И действительно, операция прошла удачно, благополучно. (Но параллельно делалась такая же операция одной девочке, и та умерла.)

Моя сестра ездила к нему три года и угасала от болезни. А батюшка ее поддерживал и что-то иногда подсказывал едва уловимыми намеками. Незадолго до смерти моей сестры батюшка показал ей куст жасмина и сказал: «Ангелинушка! А жасмин-то отцветает...» Она тогда не поняла прикровенного предсказания. Приехала она через месяц и видит: батюшка бежит к причалу, подрясник развевается, бежит и кричит: «Ангелинушка, я тебя пришел встретить». Через три месяца она скончалась...

А до этого произошло еще и следующее. У нас была одна прозорливая старица, Анастасия. Она всегда все предсказывала через некую символику, иносказательно, так что не сразу и поймешь. Помню, что дорогу она, например, называла полотенцем. И как-то эта Настенька пропела в нашей семье «Святой Боже». А мы уже знали, что это к чьей-то смерти, и насторожились. Позже спросили у батюшки, не мамочка ли наша умрет? «Да ее еще и колом-то не убьешь», – ответил батюшка. Мамочка моя и сейчас жива.

А старица к тому же добавила совсем загадочную фразу: «Прободение головы и шеи». Это было в 1969 или 1970 году. Мы уж и совсем ничего не поняли. Разъяснилось все через год, когда Ангелине произвели трепанацию черепа, а буквально за месяц до смерти оперировали зоб...

Однажды я приехала в лютый мороз к батюшке разрешить свои вопросы. Он, конечно, все решил, благословил и вдруг стал уговаривать уезжать немедленно: «Скорее-скорее идите! Скорее-скорее домой!» Я даже обиделась слегка, что меня вроде гонят, а на улице такой мороз, чуть ли не сорок градусов. Но что поделаешь, – пошла. И вот спускаюсь я уже к озеру, чтобы пешком брести по льду на чернеющий у горизонта материк, как вдруг рядом со мной останавливается машина: «Садитесь!» Я говорю: «У меня нет таких денег». – «Садитесь, мы вас так довезем». – «Ну хорошо, довезите хотя бы до Толбы». – «Садитесь, мы едем в Псков и вас туда довезем!» Тут-то я и поняла, почему батюшка меня торопил...

Однажды мы приехали с моими детьми к батюшке, чтобы узнать, куда им поступать. Я хотела попросить батюшкиного благословения для сына на музыкальное училище, но отец

Николай сказал: «Рисовать лучше, чем музыка». Сын очень обрадовался, а я как-то не поверила в такой оборот дела. Но через три года сыну сделали сложную операцию, после которой он смог поступить только в художественное училище и стал прекрасно рисовать...

Он вообще очень любил животных. Как-то раз моя покойная сестра приехала к батюшке со своей подругой. Остановились они около заборчика, как всегда. Ждут, пока отец Николай выйдет. Наконец он появился и уже от дверей начал громко просить: «Не раздавите лягушечек! Не раздавите лягушечек!» Сестра с подругой начали озираться вокруг, а сами думают: «Да где же здесь могут быть лягушечки? На этом острове их вообще нет». И уже на обратном пути, плывя по озеру в «ракете», подружка моей сестры призналась: «Батюшка вспомнил мой детский грех. Будучи еще ребяташками, мы обували охотничьи сапоги и давили нещадно лягушек...»

Хочу еще сказать, что отец Николай общался с людьми просто, мило, доступно каждому – и ученому, и простолюдину.

Всего я была принята батюшкой тридцать шесть раз. Всегда со сложными вопросами ездила. Правда, в последнее время уж никого не пускали. Приехав за месяц до его смерти, когда отец Николай уже лежал, мы просто постояли у заборчика, напротив окна, молча помолились, – но помощь все равно получили, и очень-очень большую.

Певчая Александра, храм Александра Невского в Пскове, 24 июля 2003 года

Положитесь на волю Божию – и все будет хорошо

Я приехал в этот край в 1991 году и с тех пор помогаю отцу Георгию Ушакову здесь, на его приходе под Псковом. Уже через год после моего приезда батюшка предложил мне съездить к одному прозорливому старцу и при этом спросил: «А ты не побоишься? Он людей насквозь видит». Мне действительно до того никогда не приходилось иметь дело с прозорливыми людьми, но я ответил: «Нет, вроде не боюсь. Я же исповедовался».

Мы поехали 1 сентября 1992 года. Был прекрасный солнечный день. На место добрались благополучно. Тогда большого паломничества к отцу Николаю еще не было, и мы оказались около его домика одни. Присели в нерешительности на лавочку под большим каштаном. И вдруг в окошечке шевельнулась занавесочка, мелькнула борода, и выглянул отец Николай. Занавесочка снова опустилась.

Прошло какое-то время – открылась дверь, и на крыльцо вышел батюшка. Он напевал песенку про Иерусалим, которую я потом часто от него слышал. Затем отец Николай почему-то прочел стишок из курса химии – про альдегид. Посмотрел эдак на нас, еще не благословляя, и сказал мне нечто по-эстонски, после чего отец Георгий засмеялся: «Ага, не угадал, не угадал! Холодно, холодно...» Тогда батюшка Николай еще раз посмотрел на меня и сказал фразу уже по-немецки: «Учиться-учиться, только не работать». Мы так и покатились со смеху. Это было просто в точку! Во-первых, мама у меня действительно немка, и во-вторых, мой склад характера такой, что мне по сердцу больше что-то читать, изучать, чем заниматься физической работой. К тому же я очень увлекался когда-то и химией, делал разные эксперименты в этой области.

В тот день батюшка отвел нас в храм, прочел там молитвы, и я сподобился даже исповедоваться у отца Николая. Это, конечно, особое воспоминание на всю жизнь.

Позже я стал ездить к батюшке с разными важными вопросами и за благословениями. У нас была больная гидроцефалией девочка – покойная младенец Серафима. Мы очень боялись, что эта болезнь может повториться у других наших детей, и поэтому перед их рождением ездили к отцу Николаю. Так, мы поехали, когда она еще была жива, а батюшка вдруг неожиданно посоветовал назвать следующего младенца Серафимом. Мы говорим: «Так у нас уже есть Серафима». Отец Николай немножко замялся, а потом деликатно сказал: «Ну и что! Эта Серафима, а он будет Серафим». Так и называли...

Перед рождением Ермолая батюшка велел крестить его сразу же: «Тогда будет жить». Мы попросили батюшку помолиться, чтобы при рождении ребенка священник оказался на месте. Так и вышло. Через три часа новорожденного младенца покрестили, но он и вправду оказался болезненным...

Хотя у нас была долгой только первая с ним беседа, но и в другие поездки всегда батюшка существенно помогал нам во всех наших проблемах и недоразумениях. Конечно, все мы, по какому-то нашему неразумию, пытаемся в первую очередь решать свои бытоустроительные задачи. И надо отметить, что батюшка никогда не говорил на материальные темы: об имуществе и прочем. Он говорил только о духовном, решал проблемы души, в остальном же советовал: «Положитесь на волю Божию – и все будет хорошо»...

В основном же мы просили его молитв, и, возможно, пройдет еще много лет, пока мы полностью осознаем, какого молитвенника лишились. Все ведь тогда воспринималось как-то само собой разумеющимся: что рядом живет старец, что к нему всегда можно обратиться и жить за ним как за каменной стеной. Это казалось вечным и незыблемым, и мы, словно дети, просто, не задумываясь, принимали эту благодать. Только теперь, со временем, видишь, сколь милостив Господь, давший нам бесценный дар общаться с таким необыкновенным старцем – праведником и молитвенником.

Андрей Проценко, август 2003 года

* * *

Старец огромное значение придавал молитве за умерших. Он проникался к ним совершенно особым состраданием. Думаю, что оно было в нем результатом опытного знания того, что ждет человека за гробом. Когда у него спрашивали, отпевать ли такого-то, о котором неизвестно, был ли он крещен, старец без промедления отвечал: «Отпеть, отпеть».

Однажды батюшка велел мне молиться за моего усопшего некрещеного отца. У отца был тяжелый, труднопереносимый характер и беспокойная душа, чего-то постоянно ищущая. Он оставил нас, когда мы с сестрой учились в пятом классе. С тех пор я практически не поддерживал с ним отношений и даже избегал встреч с ним. Смерть его была трагической и преждевременной, он скончался в возрасте сорока семи лет. После его смерти передо мной возник вопрос: молиться за него или нет? И если молиться, то как? Это было в самом начале моего церковного пути, я тогда только начал в храм регулярно ходить. И вот сразу же я оказался перед таким непростым жизненным вопросом. После долгих размышлений и колебаний я принял решение все-таки воздержаться от молитвы за него, так как считал себя духовно неокрепшим для такого серьезного дела. «Неизвестно, – полагал я, – какими последствиями это может для меня обернуться. Что я понимаю в этом?»

Но через некоторое время произошло событие, которое заставило меня изменить свое решение. Это случилось после того, как отец явился мне ночью, во сне. Я увидел его сидящим спиной ко мне, так что лица его мне было не видно. Голова его была низко опущена. Он молчал и почти беззвучно о чем-то плакал. Я почувствовал, что он, всеми оставленный, бесконечно одинок, беззащитен, и что без слов, не поворачивая ко мне своего лица, просит у меня чего-то. Казалось, что его неопишущему горю не было предела. И самое страшное заключалось в том, что он даже не в состоянии был мне хоть что-то объяснить. При жизни я никогда его таким не видел. Я до сих пор помню, как во сне содрогнулся от невыразимой жалости к нему. Эта жалость была непохожа на обычную жалость, какую испытываешь к страдающему человеку. Ничего подобного при его жизни я не испытывал к нему, да и вообще к кому бы то ни было. Это было совсем незнакомое чувство.

Проснулся я в холодном поту от увиденного и потом долго не мог забыть этого короткого явления своего умершего отца. Умом я понимал, что отец просит молитвы, хотя бы

какой-нибудь. Но, откровенно говоря, у меня не было сил это сделать. Я был настолько потрясен этим сновидением, что некоторое время пребывал в оцепенении, в скованности от того, что мне открылось через него. Я отдавал себе отчет в том, что через него я не только получил весть о своем отце, но и прикоснулся к тайне потустороннего мира, к реальности адских мук. По состоянию своего отца я получил опытное представление о том, что испытывает человек, оказавшись за чертой видимого мира. После таких открытий в корне меняется отношение к жизни и к тому, что в ней происходит. Все, что до этого казалось в ней важным и значимым, теряет свой смысл и предстает в совершенно ином свете. Отчетливо начинаешь видеть, что твое существование большей частью состоит из вещей суетных и никак не определяющих его сокровенной сути, то есть твоей участи в вечности. А ведь до этого я воспринимал все эти пустяки всерьез и в осуществлении своих ничтожных и убогих планов и намерений полагал единственный смысл всей своей жизнедеятельности.

Итак, оглушенный и придавленный увиденным, я не молился за отца. Мне требовалось время, чтобы переварить то, что мне открылось. Но это было несколько эгоистично, так как отец ждал моей реакции. И вот через некоторое время сновидение повторилось с первоначальной силой и проникновенностью. Стыдно признаться, но и после него я, сам не зная почему, оставался в бездействии. Понадобилось третье явление, в точности повторявшее два предыдущих, чтобы я, наконец, начал просить Бога за своего отца в своей домашней молитве.

А дальше произошло то, что обычно происходит в таких случаях. Постепенно острота и глубина пережитого во сне забывалась, стиралась заботами дня, и молитва моя охладевала. В конечном итоге через несколько лет я окончательно оставил свою молитву, даже не заметив, как это произошло.

В этот самый момент забвения своего молитвенного долга и настиг меня всезнающий и всепроницающий старец. В конце очередной встречи он неожиданно обратился ко мне с вопросом: «Ты за отца молишься?» В его голосе звучала тревожная нотка. Я тут же живо вспомнил все посмертные события, которые связали меня и отца особыми узами. Батюшка спрашивал с таким подтекстом, как будто бы ему была известна тайна этих наших встреч. Словно он слегка обличал меня за оставление молитвы о родителе после всего того, что было. Я стал задавать конкретные вопросы о том, как правильно надо совершать поминовение отца. Дав мне в этом необходимые наставления, старец отпустил меня с миром.

Прозорливость старца, проявленная в только что описанном случае, – это бесконечная тема. О ней уже было сказано немало, и можно говорить еще очень долго. Чтобы не перегружать своего рассказа и не переутомлять читательского внимания, приведу два характерных случая.

Однажды, когда я только начал ездить к отцу Николаю, довелось мне попасть к нему вместе с другим молодым человеком, которого звали Константин. Принимал он нас в церкви. Батюшка сначала побеседовал со мной, а потом – с моим попутчиком. Беседы, как и всегда, были непродолжительными. Старец умел в двух словах сказать самое главное, в нескольких выражениях обозначить жизненную программу на многие годы вперед. Кроме нас двоих, больше никого не было. Пока отец Николай вполголоса разговаривал с Константином, я обходил иконы в храме. Подойдя к последнему образу, я случайно услышал последние слова, сказанные старцем своему собеседнику. Батюшка благословлял его на монашеский путь и советовал идти в Оптину пустынь, которая как раз только открылась. В конце разговора старец направился в алтарь, вынес оттуда полотенце и подарил его в качестве напутствия будущему иноку. Я стоял рядом и с интересом наблюдал за тем, как старец с любовью вручал Константину полотенце и как тот с благоговением его принимал. Все совершалось молча, без слов.

Ничего, вроде бы, особенного не происходило. Однако было во всем этом что-то таинственное. Кругом тишина, только святые смотрят на нас из икон, и в этой тишине – бесшумные движения старца, отправляющего свое чадю на иноческий подвиг. Нельзя было за всей этой простотой не уловить торжественности и ответственности переживаемой минуты.

Предавшись созерцанию этой глубоко назидательной и многозначительной картины, я совершенно забыл про себя. И вдруг батюшка повернулся в мою сторону и сказал: «А Владислав тоже хочет». Я, признаться, услышав эти слова и выйдя из своего созерцательного состояния, даже немного обиделся на старца. Мне подумалось, что он в такую высокую минуту заподозрил во мне зависть к Константину и легкую досаду на то, что я, в отличие от него, уезжаю без подарка. Но во мне и тени этого чувства не было. Поэтому я принял, как умел, разубеждать в этом отца Николая. Однако старец, не обращая внимания на мой протест, вторично отправился в алтарь и вышел оттуда с новым полотенцем в руках. Через несколько мгновений оно оказалось в моих руках. Мне ничего не оставалось, как принять его и поблагодарить батюшку за оказанное мне внимание.

Всеу этому я не придавал тогда особого значения. Я наивно полагал, что поступок старца объясняется его деликатностью и нежеланием меня обидеть. Может быть, я и совсем забыл бы про этот эпизод, если бы не полотенце, которое с тех пор хранится у меня. И вот только через двадцать лет, когда я сам, по благословению батюшки, был пострижен в монахи, я вновь вспомнил все мельчайшие подробности той памятной встречи. И только после этого мне открылся подлинный, неприкрытый смысл сделанного тогда подарка: им старец не деликатничал, как мне тогда показалось, ибо он вообще чужд был светскости в поведении, а выражал свое отношение к моему иноческому будущему.

Вспоминая теперь все это, я поражаюсь не только тому, что старец уже тогда, когда я и о священстве не помышлял, увидел меня в монашеском облике. Удивительно и то, в какую форму он облек свое предсказание. Он не сказал мне тогда об этом напрямую, чтобы не вводить меня, женатого человека, в смущение и не лишать меня радостей семейной жизни. Он выразил это так, чтобы потом, когда наступит время, я без всяких сомнений и колебаний, которые не покидали меня и тогда, когда он высказался о постриге вполне определенно, воспринял свой новый путь как волю Божию.

Второй запомнившийся мне случай был совершенно другого рода. Батюшке была открыта не только вся жизнь человека, но и его внутреннее состояние в момент приезда на остров. И если это было необходимо, он умел вносить в него соответствующие «коррективы», улучшать духовное самочувствие приехавшего к нему христианина.

Помню, что в одно из посещений Залита я прибыл туда в состоянии острой апокалиптической психопатии, которое возникло у меня, как мне казалось, под влиянием наблюдаемой мною моральной деградации окружающего мира. Эта психопатия, будучи формой душевного заболевания, ничего общего не имеет с подлинно христианским ожиданием конца человеческой истории. Несомненно, что христианская деятельность у отдельных подвижников не утратит своей цены и значимости, своей духовной силы даже при всеобщем отступлении и приближении конца. Ибо духовное равновесие в человеке, делающее его способным к внутреннему созиданию, в общем и целом определяется только тем, насколько он пребывает в Боге. В этом отношении характерен пример св. Иоанна Богослова, созерцавшего страшные картины последних дней человечества и не устававшего при этом повторять: «Дети, любите друг друга». Поэтому упадок духовных сил происходит в христианине вовсе не потому, что он приобрел проницательный взгляд на окружающую действительность. Он есть свидетельство духовной незащищенности человека, отсутствия в нем благодатной поддержки свыше.

Вот в такой-то апокалиптической депрессии я и приехал однажды к старцу. Причем это состояние не казалось мне чем-то таким, от чего следует избавляться как от недуга. Мне представлялось, что в настоящее время эта депрессивность в той или иной степени присуща

всем и что иначе и быть не может. Мне и в голову не приходило задавать старцу вопрос на эту тему. Настолько мне здесь все казалось ясным и понятным.

После состоявшейся беседы я услышал неожиданный вопрос батюшки: «Ты знаешь, сколько мне лет?» И, не дожидаясь моего ответа, он сказал: «Мне без одного девяносто, а я потом еще сорок хочу». Догадываясь, какую тему затронул старец, я выразил свое недоумение: «Но ведь это очень много». «Нет, – возразил отец Николай, – не много, я так хочу».

Не могу сказать, что эти слова произвели на меня тогда особое впечатление. Просто я принял их, что называется, к сведению. Но потом произошло следующее: все чаще и чаще они стали всплывать в моем сознании и начали постепенно выводить меня из плена той самой скрытой депрессии, с которой я приехал на остров. Я явственно ощутил их исцеляющую силу. В непродолжительное время во мне восстановились естественная воодушевленность и работоспособность, и от охватившего меня недуга вскоре не осталось и следа. А впоследствии пришло и ясное понимание духовных причин этого распространенного в наше время заболевания. Так старец реагировал на внутреннее состояние тех, кто к нему обращался.

* * *

Батюшка в духовной жизни придавал огромное значение Иисусовой молитве. Без сомнения, он сам был тайным делателем ее, потому и постиг опытно великую пользу от нее. Многие духовники не рекомендуют ею заниматься, так как считают, что без духовного руководства и стороннего наблюдения это делать небезопасно, что иначе это занятие может обернуться для человека тяжкими последствиями. А так как в настоящее время таких руководителей не осталось, то, следовательно, по их мысли, лучше не подвергать себя риску и держаться общеупотребительных молитвенных последований: канонов, акафистов, псалтири и т. п.

Отец Николай никогда не порицал открыто этого мнения не потому, что он был с ним согласен. Батюшка вообще всячески уклонялся от того, что рождает разногласия и распри, так как ему был глубоко чужд дух спорливости. Батюшка считал, что разногласия и разделения в церковном обществе не всегда изживаются открытым декларированием своих взглядов, не всегда врачуются прямым объявлением своей позиции. Он видел, что такие методы зачастую отнюдь не погашают, а только подливают масла в огонь, только раздувают пожар возникающих раздоров. Поэтому, будучи делателем непрестанной молитвы Иисусовой, он никогда и никому не навязывал своего духовного опыта.

То, что старец считал эту молитву в современных условиях чуть ли не единственным средством, безошибочно поставляющим и удерживающим человека на пути спасения, стало для меня очевидной истиной после одного из посещений острова. В тот раз, отправляясь к старцу, я подумал о том, что, руководимый боязнью сделать неверный шаг и сбиться с предназначенного мне пути, я все время спрашиваю его о своем земном пути. Конечно, это очень важный момент в духовной жизни, который является ее необходимым условием. Но мне показалось, что при этом я как-то мало забочусь или, вернее, совсем не забочусь о том, чтобы в то же время и душу удерживать в правильном устроении. Поэтому, оказавшись на острове и обсудив со старцем приготовленные вопросы, я в конце встречи с ним спросил его и о том, какое делание лучше всего поставляет человека на путь спасения.

Я хорошо помню реакцию батюшки на мой вопрос. Он, выслушав меня, стал очень серьезным. Повернувшись лицом к алтарю, старец медленно трижды перекрестился и поклонился. Потом, обратившись ко мне, твердо сказал: «Творить молитву Иисусову».

«А как?» – спросил я у батюшки и пожаловался на то, что все время окрадываюсь помыслами при ее проговаривании. Но старец не дал мне никаких конкретных указаний на

это счет. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», – воспроизвел он святоотеческий текст, заключающий в себе великую спасительную силу, и добавил: «А больше я тебе ничего не скажу».

Смысл этих слов мне был ясен. Иисусовой молитве невозможно научить теоретически, ее нужно проходить опытным, деятельным путем, и тогда Сам Господь даст молитву молящемуся. В этом отношении отец Николай всецело доверялся водительству Божию и полагал, что тот, кто совершает ее в простоте и смирении сердца, находится вне духовной опасности. Главное – не делать из нее духовного «упражнения» для приобретения тех или иных благодатных даров, а искать в ней, прежде всего, сокрушенного и покаянного начала. Именно в этом – прямой и непосредственный смысл слов этой молитвы. И без нее подвижник вряд ли сможет противостоять всем козням диавольским, приобрести необходимую чистоту ума и сердца. Только посредством ее православный христианин входит в блаженное единение со Христом, и именно от нее рождается в нем вожденный дух спасения.

Иисусову молитву отец Николай считал первым и главным орудием в духовной жизни, данным Церковью на все времена, а для нашего времени – в особенности. Мне пришло на память, как одна моя прихожанка просила через меня у старца благословения на обучение в музыкальной школе своей семилетней дочки. Ответ батюшки поверг всех нас в изумление. «Передай ей, – сказал он, – пусть она лучше творит молитву Иисусову». Такое благословение он послал несмышленной девочке в деревню, где никто и понятия не имел о том, что это такое.

«Творить молитву Иисусову» – этими словами, сказанными твердо и непреложно на мой вопрос, как мне кажется, старец оставил свое духовное завещание всем ревнующим о своем спасении и ищущим духовного совершенства в современном мире.

* * *

Из всех удивительных и необычайных для нашего времени благодатных даров, которыми Господь украсил Своего верного раба – Залитского затворника и подвижника – два из них, пожалуй, наиболее удивительные. Это – его любовь и смирение.

«Я тебя благословил, а теперь ты меня благослови», – услышал я один раз повеление от батюшки после обычного благословения, полученного на пороге его келейки. Я с немалым удивлением посмотрел на него. «Может, он меня таким способом обличает в излишней назидательности?» – промелькнуло в моем уме. С непроницаемым лицом старец стоял в дверях домика и своей неподвижностью давал мне понять, что не пустит меня за порог кельи, пока я не выполню того, что мне было сказано. Я был в полной растерянности и недоумении. Что было делать? Благословлять старца? Мне легче было бы, если бы рука моя отсохла, чем решиться на такое. Упорствовать? Значит, остаться без приглашения войти в дом и без последующей беседы. Помедлив в нерешительности, я набрался храбрости и, как человек, которому предстоит войти в ледяную воду, с поспешностью сделал рукой благословляющее движение. И только после этого мы вошли в сенцы.

Потом я долго ломал голову над тем, что бы все это значило, пока не нашел ответ в одной святоотеческой книге. В ней было сказано: «Если услышишь, что какой-нибудь старец почитает ближнего выше себя, то знай, что он достиг уже великого совершенства, ибо в томто и состоит совершенство, чтобы предпочитать себе ближнего». После этих слов я понял, что необычный поступок батюшки был как выражением его смирения, так и преподаванием духовного урока своему чаду. Одним словом, это было своеобразное подражание Христу, умывшему ноги Своим ученикам.

Что же касается любви батюшки, то ее ощущал каждый, приезжавший к нему на остров. Здесь все было пронизано ею. Ибо старец жил здесь по своим, особым законам, как

блаженный младенец, как будто окружавшая его действительность была бессильна что-либо изменить в его отношении к Богу и человеку.

Она и на самом деле ничего не могла поделать с прочно утвердившейся в его душе любовью. Невзирая на то, что сегодняшний мир ничего не привносит в душу человека, кроме озлобленности и ожесточения, а эгоизм становится правилом и нормой существования, старец неустанно внушал своим чадам, что в своих отношениях с ближним следует руководствоваться только любовью, только милосердием, только состраданием. Даже к врагам своим он учил относиться по-христиански.

Не только мир, но и нынешняя церковная действительность тоже скудеет любовью и чем дальше, тем все больше и больше завоевывается мирским духом. Эти процессы, о которых предупреждал Спаситель через Свою беседу с апостолами, порождают даже в искренне верующих людях отгороженность друг от друга, отчужденность, замкнутость и, как защитную реакцию на все происходящее вокруг, – стремление жить только своими интересами. Так или иначе и я – священник, а теперь и монах – постоянно ловил себя на том, что, вращаясь в мире, и я, грешный, захватываюсь этим духом и незаметно для самого себя утрачиваю нормы евангельской жизни. И вот, попадая на остров, я всякий раз оказывался в атмосфере любви, где сталкивался с совершенно иным отношением к человеку, где слышал голос, возвращавший меня к тому, от чего я отпал и чего никак нельзя терять христианину. Здесь, рядом со старцем, я наполнялся его любовью к людям и хотя бы на краткое время оживал душою и сердцем для Бога и человека.

Дивный, незабвенный остров! Сколько же света, добра и подлинно Христовой любви привнес ты во мрак окружающей действительности! Да он и был, пожалуй, тем малым островом в океане человеческой лжи и неправды, который кротко, смиренно и неизменно излучал в мир свет и тепло Божественной Истины.

Иеромонах Нестор, www.zalit.ru

О старце Ионе

О старце иеромонахе отце Ионе, ученике святого преподобного Кукши одесского, знают многие православные верующие и не только верующие. Отец Иона – удивительный старец, который долгое время был всем знаком как один из монахов и духовник Одесского Успенского монастыря.

Множество людей приезжало в Одессу со всех сторон света, чтобы встретиться с ним, получить его благословение, спросить совета и попросить помолиться.

Воспоминание рабы Божией Елены

Когда-то, когда к батюшке подойти можно было свободно, случился у меня на работе конфликт с руководством. И так меня прижали, что решила уж пожаловаться на свое начальство. По дороге на работу заехала в монастырь. Батюшка встретил меня на пороге храма со словами: «Ты где награды хочешь? Здесь, на земле, или в Царстве Небесном?» Я опешила. А отец Иона велел мне немедленно ехать на работу, никому не жаловаться, а как начальнику вышестоящее руководство устроит головомойку и он обвинит во всем меня, не оправдываясь, попросить прощения. Так и сделала. Тяжело было. Заболела. А за время болезни начальника сняли. Дело было громким и очень дурно пахнувшим. Да, батюшка очень прост и не имеет богословского образования, но Господь открывает ему многие тайны...

Однажды я сомневалась, а нужно ли мне обращаться за помощью к батюшке? Так он из алтаря вышел и сказал: «Реши сама, нужна тебе моя помощь или нет».

Меня привел к нему мой Ангел-Хранитель

Жизнь приблизила меня к Богу в тот самый момент, когда, как мне казалось, она перестала иметь для меня смысл.

На то время я жила в Одессе и слышала об удивительном старце, о том, как он помогает людям во всех их горестях и печалях, а также о том, что он обладает даром изгнания вселившегося в человека беса. До этого я никогда раньше не видела отца Иону, и, возможно, никогда не увидела бы, ведь я до сих пор верю, что меня привел к нему мой Ангел-Хранитель.

Я отчетливо помню этот день. Мне хотелось уйти, меня одолевал страх, но какая-то сила смогла удержать меня. Я первый раз в жизни приблизилась к батюшке Ионе и стояла в метрах трех от него, и вот тогда-то и почувствовала первый раз дух святости. Было много людей, кто плакал, кто кричал, кто вырывался из его отцовских объятий, кто молился. Я безмолвно стояла на одном месте и ждала, когда придет моя очередь, когда батюшка Иона прикоснется ко мне своей рукой. Что-то начинало меняться, мой страх утих, успокоились чувства, бушевавшие в душе. И моя очередь подошла. Батюшка прижал меня к себе и что-то очень тихонечко нашептывал. За какой-то короткий миг предо мной пробежала вся моя жизнь и наступило чувство глубокого умиротворения. Батюшка отпустил меня, перекрестил, но уходить мне не захотелось. Слезы текли из глаз, и словно наступило прозрение, я поняла, что я очень хочу жить.

В скором времени я уже стояла на исповеди, чтоб приступить к Святому Причастию. Жизнь начала обретать другой, наполненный счастьем и радостью смысл. Слава Богу, я живу! Для меня это было чудом, вторым рождением. Слава Богу, что есть на земле среди людей такие молитвенники, как батюшка Иона. Всякий раз, когда мы приходим на службу, мы с замиранием сердца ждем, когда из алтаря выйдет отец Иона, чтобы хоть взглянуть на него или прикоснуться к нему, и мы верим, что его молитвы чудодейственны.

Прихожанка Свято-Успенского мужского монастыря, Ирина.

Что делать, отче Иона?

Часто бывал свидетелем разговоров людей с отцом Ионой, когда просят у него совета в сложной ситуации, подсказки... Да и со мной такое бывало не раз во время общения с ним.

Приходит, к примеру, женщина и спрашивает совета: «Что делать, отец Иона, – вот такая сложная ситуация, конфликт в семье, наследство поделить не могут, и родственники совсем скоро все перессорятся...» и описывает во всех подробностях то, в чем даже не всякий юрист хороший разберется на пару с психологом.

Иона послушает, посмотрит внимательно, благословит, скажет, что помолиться надо... И потом совсем вроде как не к разговору всякие истории начнет рассказывать: как он на тракторе уставал, когда был молодым, там педаль была поломана и сильно нога болела после работы, и что одна старушка праведная рассказала вчера, как ей Ангелы приснились, беленькие такие, красивые, и Пресвятая Богородица рядом с ними улыбалась...

Те, кто с отцом Ионой впервые общались, немного терялись в таких случаях, так как ждали обычно четких ответов и расписанных по пунктам рекомендаций, а не этих историй, перемешанных с призывом бросить все и о Боге только думать... Но при этом все равно – слушали его, слушали и вдруг начинали понимать, что им делать. Причем четко понимать во всех деталях, как будет правильно поступить. Иногда даже видно было, как они уже рвутся прям бежать срочно делать то, что поняли, и им уже сложно дослушать то, что Иона рассказывает...

Вот такие случаи наблюдал не раз. Рядом со старцем, когда рядом находишься, светло как-то, легко... даже не знаю, как описать это состояние. И в такие моменты общения с ним путанные все мысли распутываются и волнующие проблемы вдруг перестают быть проблемами...

www.oiona.ru

Советы отца иоанна крестьянкина

Словно бы с самого рождения отцу Иоанну Крестьянкину было послано свыше стать проповедником Божиим.

Он родился в Орловской губернии в простой семье и уже в шесть лет хотел стать священником, а после 30 лет стал им. В конце 1950-х в Москве, в измайловском Христорождественском храме, он крестил по 50 человек в день, и за это, а также за веру, образ мысли, его приговорили к нескольким годам лагерей. Там он продолжал наставлять людей. Даже надзиратели считались с батюшкой: ему позволили не стричься и не отняли единственное, что у него было, – Библию.

После освобождения из лагерей отец Иоанн Крестьянкин служил в Псковской и Рязанской епархиях, в 1966 году принял монашеский постриг и стал насельником Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря.

Ежедневно к нему шли паломники со всей страны за советом, утешением, помощью. В числе его духовных учеников – знаменитые политики, актеры, но их имена не афишируются.

Известно, что ездил к нему и Борис Ельцин. 2 мая 2000 года перед первой инаугурацией к старцу приезжал Владимир Путин и проговорил с отцом Иоанном в его келье больше часа.

Отец Иоанн порой давал советы, которые казались странными, но время показывало его правоту. Однажды к отцу Иоанну бросилась женщина с ребенком лет трех на руках: «Батюшка, благословите на операцию, врачи требуют срочно, в Москве». Отец Иоанн остановился и твердо сказал ей: «Ни в коем случае. Он умрет на операционном столе. Молись, лечи его, но операцию не делай ни в коем случае. Он выздоровеет». И перекрестил младенца. Ребенок поправился.

О другом случае рассказывает архимандрит Тихон (Шевкунов), духовный ученик отца Иоанна. В 90-х годах москвичка Валентина Павловна попросила архимандрита Тихона испросить благословение у отца Иоанна на удаление катаракты в федоровском институте. Ответ отца Иоанна удивил: «Нет, ни в коем случае. Только не сейчас, пусть пройдет время...»

Об этом он написал ей в письме, прибавив, что операцию она должна сделать через месяц после отпуска. «Если она сейчас сделает операцию, она умрет», – грустно сказал он архимандриту Тихону.

Отец Тихон по совету отца Иоанна поехал к женщине, уговаривал ее отправиться в Крым в отпуск, заказал путевку. Но она не послушалась и легла на операцию, во время которой у нее случился тяжелейший инсульт и полный паралич.

– Почему вы меня не слушаете? – чуть не плакал отец Иоанн. – Ведь если я на чем-то настаиваю, значит, знаю!

Он велел отцу Тихону взять из храма в келью запасные Святые Дары и, как только Валентина придет в себя, сразу исповедовать и причастить. Женщина пришла в себя. Ее исповедали и причастили, после чего она умерла.

Жена поэта Булата Окуджавы Ольга вспоминает, что однажды она, приехав в Псково-Печерский монастырь к отцу Иоанну, в беседе со старцем сетовала, что ее муж не крещен и к вере равнодушен. Батюшка сказал: «Ты сама его окрестишь». Удивившись, Ольга переспросила старца, как это возможно, если он не хочет креститься, да и имя у него неправославное. На что отец Иоанн ответил: «Назовешь его Иваном...»

Через пятнадцать лет после той встречи Булат Окуджава, умирая в Париже, неожиданно попросил окрестить его. Звать священника было уже поздно. Ольга сама решила крестить Булата (этому обряду научил ее духовный наставник, отец Алексей). Спросила мужа, как его назвать. Тот ответил: «Иваном».

Протоиерей Димитрий Смирнов рассказал в программе телеканала «Спас» 03.02.2009 следующий случай: «Одна женщина обратилась ко мне со следующим: «Отец Иоанн сказал передать Вам, что если Вы найдете хотя бы одну кость человека, нужно осуществить чин ее погребения». Буквально через некоторое время (три-четыре недели) мой приятель, художник, когда я был у него в мастерской, обратился ко мне с просьбой: «Вот у меня череп, я его когда-то рисовал, сейчас он мне не нужен. Не знаю, что с ним делать, может, ты возьмешь?» И я тут же вспомнил слова отца Иоанна. Сделал коробочку. Отвез на Лионозовское кладбище, прочитал полностью чин отпевания и совершил погребение головы этого человека по всем правилам. Получается, что за месяц отец Иоанн дал мне повеление. Ему Господь открывал. И таких случаев было много...»

Каждый день, сразу после литургии, отец Иоанн начинал прием и продолжал его, с короткими перерывами на трапезу, до позднего вечера, а иногда и за полночь. По монастырю он не ходил, а почти бегал – впрочем, задерживаясь возле каждого, кто искал его внимания, и за это его с добрым юмором называли «скорый поезд со всеми остановками». Когда батюшка спешил, не имея времени расспрашивать и беседовать долго, то он иногда сразу начинал отвечать на приготовленный, но еще не заданный ему вопрос и тем самым невольно обнаруживал свою удивительную прозорливость.

Когда поднялась шумиха, связанная с введением ИНН, он, 91-летний, преодолевая болезнь, выступил перед телекамерой с обращением к православным не пугаться нововведений и не поднимать панику. Незадолго до смерти отец Иоанн позвонил архимандриту Тихону и сказал: «Вот, скоро умру. Поэтому потрудись, напиши то, что ты помнишь и хочешь сказать обо мне. А то потом вы все равно будете писать и такого можете надумать, что будет, как у бедного отца Николая, который и «котиков воскрешал», и другие небылицы. А тут я сам все просмотрю и буду покоен...»

И архимандрит Тихон успел написать воспоминания о духовнике⁵.

⁵ Архимандрит Тихон (Шевкунов). Об отце Иоанне (Крестьянкине). www.pravoslavie.ru.

Матушка сепфора

В миру Дарья Николаевна Шнякина (урожденная Сенякина), родилась в крестьянской семье, в селе Глухово Гавриловского уезда Тамбовской губернии 19 марта 1896 года по старому стилю. Отец ее, Николай Алексеевич, крестьянин-середняк, и мать, Матрона Герасимовна, были трудолюбивыми, честными, верующими людьми, но неграмотными. Из тринадцати детей, родившихся у них, выжило только трое: Дарья, ее брат Василий и Павел (первый брат был впоследствии убит на войне 1914 года, второй при раскулачивании, в начале 30-х годов).

Матушка в конце своей жизни (а она прожила сто один год) вспоминала: «Жили мы хорошо с родителями, ходили в храм..., икона на воротах..., монахи были в родне моего отца: один монах, а другой жил как монах, все знал.... В маминой родне были три монахини и один монах». Дед Дарьи, крестьянин Алексей, много ездил по святым местам. В 1903 году привез внучке четки. Матушка вспоминала также, как учили ее Иисусовой молитве жившие в Глухове при храме Покрова Божьей Матери монахини: обучая ее шитью и ткачеству, они говорили, что во время работы нужно произносить молитву «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешную»...

На третьем году войны смертью храбрых пал на поле брани брат Дарьи Василий. Вскоре скончался отец, ему было в это время всего сорок пять лет. Почувствовав приближение смерти, он зажег свечу и, сжимая ее в холодеющих руках, сказал: «Подержите меня.... Я сейчас умру». Дарье исполнилось двадцать лет. Отец, пока был жив, не выдавал ее замуж, так как знал, что она этого не хочет. Она желала принять иноческий постриг.

Долог был этот поистине узкий и каменистый путь для матушки Сепфоры! Господь, сотворивший обитель в ее сердце, не оставлял ее. Она любила Господа и знала, что тот есть любящий Его истинно, кто исполняет Его заповеди.

Когда после кончины отца, в 1916 году, к ней посватался молодой односельчанин Дмитрий Шнякин, человек верующий, бывший в Сарове и Дивееве, мать Дарьи благословила этот брак. Девушка безропотно подчинилась. Она вошла в большую зажиточную семью. У свекра, старосты сельского храма, было четверо сыновей и дочь, большое хозяйство. Он не позволял своим детям после женитьбы отделяться от него – и вот в доме собралось пять снох, пять молодых женщин. Дарья стала старшей снохой, которой по чину полагалось за всем следить, всем распоряжаться – словом, домоправительницей. Матушка вспоминала, что ей тогда «лапти некогда было снять, не то что отдохнуть». Она справлялась со всеми делами, и все были ею довольны. И совсем не уставала. Господь давал силы, так как она постоянно помнила о Нем.

Матушка в 1933 году перенесла страшное раскулачивание, сопровождавшееся убийством ее родных, ее дом разобрали по бревнышкам. Свекра и свекровь сослали на Соловки. До раскулачивания в период с 1917 по 1928 год у Дарьи родились четыре дочери: Александра, Параскева, Лидия и Иулия. Наступила зима, жить стало негде. Дарью с детьми приняла бедная вдова Агафья, которая жила на краю села и была нелюдима. Еще до раскулачивания муж Дарьи уехал в Болохово, что в Тульской губернии, строить шахту в надежде заработать и перевезти семью. В Болохове, надо сказать, семье не намного стало легче. Та же скудость во всем. Жили долгое время в проходной комнатухе, спали вшестером на полу, соседи через них перешагивали. Отцу чаще всего доставались случайные заработки: то щиты для снегозадержания на железной дороге сколачивать, то на хлебозаводе дрова колоть, то истопником трудиться. Александра и Параскева тоже, где могли, работали. Сюда, в Болохово, приехала мать Дарьи, Матрона Герасимовна, пожила два месяца и скончалась. В 1937 году семье дали отдельную комнату в коммуналке, стало хоть немного удобнее.

В 1946 году после кончины мужа матушка с дочерьми переехала в небольшой городок в Тульской области, Киреевск, и, еще не будучи монахиней, оставила всякое попечение о земном. Дочери выросли и теперь могли позаботиться о ней, о ее очень небольших нуждах. Однажды в Киреевске матушка уединенно молилась, и вдруг явились Ангелы, которые стали ходить вокруг нее, совершая какой-то обряд. Когда они начали одевать ее в монашеские одежды, она поняла, что это – постриг. Вскоре Дарья переехала в Лавру и здесь, на исповеди, рассказала о своем чудном пострижении в иночество. Тогда ее благословили на постриг в мантию, который совершили здесь, в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, 20 октября 1967 года она была наречена Досифеей. Это произошло так незаметно, что дочери матушки не сразу об этом узнали. А в декабре 1989 года владыка Серапион, митрополит Тульский и Белевский, постриг матушку Досифею в схиму с именем Сепфора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.